

Глава 12

Наблюдать за тем, как «наследничек» проигрывает партию за партией, было физически больно.

В первых раундах Цзи И преследовало фатальное невезение: раз за разом выпадали лишь три монеты одного цвета, и он неумолимо скатывался в долговую яму.

Когда же юноше наконец улыбнулась удача и выпало четыре «орла» против двух «решек», Третий принц тут же усложнил правила, объявив переход к «пяти и шести чистым».

Суть была проста: для победы требовалось, чтобы из шести монет как минимум пять или все шесть упали одной стороной вверх.

Чу Чжаохуай перестал жевать сливы. Ему вдруг нестерпимо захотелось выйти на палубу и подставить лицо холодному ветру.

Цзи И бросил монеты еще несколько раз и окончательно спустил всё золото, что было при нем.

Пользуясь случаем, Чжаохуай подсунул под повязку очередную порцию лакомства и, скрываясь за широким рукавом, незаметно надавил себе на желобок над верхней губой, пытаясь унять дурноту.

Он-то наивно полагал, что Цзи Сюнь — непревзойденный мастер в искусстве пускать деньги на ветер, но племянник оказался достоин своего родителя. Истинный сын своего отца, он в этом деле даже умудрился его превзойти.

Третий принц не удержался от ироничного смешка:

— А И, твоя удача... Похоже, ты всю её растратил на переписывание книг.

Остальные молодые господа тут же подхватили, перемежая слова издевательским хохотом:

— Должно быть, везение Шицзы приберег на финал. Давайте еще разок!

Как бы ни был плох наследник, он не мог проигрывать настолько позорно. Тем более что последние месяцы он, одержимый желанием проучить Чу Чжаоцзяна, до мозолей тренировался бросать монеты, едва не достигнув в этом совершенства.

Цзи И нахмурился, взвесил на ладони медяки и снова метнул их в блюдо.

Раздался мелодичный звон. И вновь лишь четыре монеты легли одной стороной.

Проклятье какое-то.

На этот раз юноша был уверен: с монетами что-то не так. Он медленно обвел взглядом присутствующих.

Молодые дворяне изо всех сил старались выглядеть почтительно, но в их глазах плескались нескрываемая насмешка и злорадство.

Цзи И крепко сжал кулаки, пытаясь сдержать гнев.

Он швырнул на стол последнюю горсть золота и выдавил улыбку:

— Видно, сегодня и впрямь не мой день. Я пасую.

Перед Третьим принцем уже высилась золотая гора. В свете свечей драгоценный металл сиял так ярко, что принц казался воплощением самой власти и благополучия.

— Еще рано, — мягко проговорил он. — Может, еще пару партий?

Цзи И вывернул пустые карманы:

— Ваше Высочество наделены небесной милостью, рука у вас легкая. У меня же, к сожалению, серебро подошло к концу, так что составить компанию более не смогу.

С этими словами он выразительно взглянул на Лян Фана, намереваясь поскорее убраться отсюда.

Третий принц прищурился и как бы невзначай заметил:

— Сяо-хоуе раньше был большим любителем Гуаньпу. Почему же сегодня он обходит стол стороной?

Наследник замер.

Чу Чжаохуай всё еще оплакивал проигранное племянником состояние, и когда почувствовал на себе десятки взглядов, не сразу сообразил, что Сяо-хоуе — это он сам.

— Ах... — Чжаохуай приглушил голос, опасаясь выдать себя. — Меня немного укачало, руки

дрожат. Боюсь, я лишь испорчу Вашему Высочеству удовольствие от игры.

— О каком удовольствии речь? — возразил принц. — В такой чудесный праздник это лишь способ немного развлечься.

Чжаохуай покачал головой:

— И всё же, я откажусь.

Улыбка медленно сползла с лица Его Высочества.

В павильоне воцарилась тишина.

С тех пор как Чжаохуай прибыл в столицу, никто не обременял его правилами этикета. Перед Цзи Сюнем он вел себя совершенно свободно, и тот ни разу не сделал ему замечания. Неудивительно, что и перед принцем лекарь не испытывал ни малейшего трепета.

Цзи И затаил дыхание. Под столом он мертвой хваткой вцепился в рукав Чжаохуая, подавая знак, чтобы тот не смел дерзить. Однако от этого резкого движения припрятанные в одежде сушеные сливы с грохотом рассыпались по полу.

Наследник лишь безмолвно застыл.

«...»

Чжаохуай, хоть и не знал придворных тонкостей, кожей почувствовал, как сгустилась атмосфера. Он мгновенно сменил тон на более покладистый:

— ...Но раз мой отказ может огорчить Ваше Высочество... Боюсь только, что серебра при мне сегодня немного...

Лица семьи Цзи, казалось, были созданы для мгновенных превращений. Ледяной блеск в глазах Третьего принца тут же сменился кротким, почти невинным выражением.

— В Гуаньпу ставкой не обязательно должно быть золото. Хм... Например, та нефритовая подвеска у вас на поясе...

Принц, видимо, хотел похвалить искусную работу или чистоту камня, но, присмотревшись, едва не поморщился от того, насколько дешево выглядела побрякушка. Скрепя сердце, он выдавил:

— Весьма недурна. Для одной партии — в самый раз.

Чжаохуай в нерешительности коснулся кисточки на подвеске. Это было его единственное более-менее приличное украшение.

Видя, что Третий принц не отступит, пока не затянет его за стол, Чжаохуай нехотя отвязал нефрит, соглашаясь «помочь с развлечением».

— Правила прежние, — объявил принц. — В первых трех раундах достаточно четырех одинаковых сторон.

Чжаохуай опасливо огляделся по сторонам, боясь подвоха, но раз уж сам принц принудил его к игре, тот же принц и послужит ему щитом.

Он взял шесть монет и небрежно бросил их на нефритовое блюдо.

Металл зазвенел, монеты заплясали в неверном свете свечей и вскоре замерли.

Три «орла», три «решек».

Цзи И мрачно нахмурился. Третий принц лишь понимающе хмыкнул. Очевидно, удача супруги Цзин-вана была ничуть не лучше, чем у наследника.

Чжаохуай же застыл, глядя на блюдо. Лицо его неуловимо изменилось.

Эти монеты...

Они были из чистого золота!

Чжаохуай невольно прижал руку к груди, в очередной раз поражаясь безумному богатству императорского дома. Все его жалкие сбережения, что он кропотливо копил годами, не стоили и одной такой безделушки, которой они здесь небрежно перебрасывались.

«В какой же нищете я жил всё это время?»

Золото было тяжелее меди, а края монет, судя по всему, были специально подточены для жульничества — грани имели разную толщину. Баланс был нарушен, и при обычном броске результат был предрешен.

Вот почему Цзи И так позорно проигрывал.

Чжаохуай скрепя сердце положил свою грошовую подвеску на стол. Для Третьего принца такая вещь не стоила даже того, чтобы за ней нагибаться. Он даже не взглянул на неё.

— Сяо-хоуе желает продолжать?

Чжаохуай кивнул.

Шицзы занервничал. Он снова дернул Чжаохуая за рукав, отчаянно подавая знаки глазами. От этого движения из рукава выкатилось еще несколько плодов сушеных мандаринов.

Цзи И лишился дара речи.

«...»

Чжаохуай так и не понял, что пытался изобразить племянник, а молодые дворяне напротив уже начали подзуживать:

— Неужто у Ванфэй еще остались ставки? Смотрите, если снова выпадет «три на три», долг придется отдавать сполна!

Его приятель тут же подхватил:

— Что за чепуха! Разве может Ванфэй остаться в долгу? На недавней свадьбе поместье маркиза выставило такое приданое, что супруг князя теперь богаче любого из нас. Десяток партий в Гуаньпу для него — сущая мелочь, это не нам у родителей выпрашивать.

У Цзи И дрогнуло веко.

Пусть он и не отличался великим коварством, но жизнь в столице, где интриги плетутся на каждом шагу, научила его чувствовать опасность.

Третий принц сегодня... явно метил в Чу Чжаоцзяна.

Сам Цзи И, несмотря на свою дурную славу, всегда ходил по краю пропасти, боясь неосторожным словом навлечь беду на отца. Проигрыш нескольких сотен золотых для него был лишь способом прикинуться дурачком и отвести подозрения.

Но с Чу Чжаоцзяном всё было иначе.

Он носил титул супруга Цзин-вана. Оказаться сегодня обобраным до нитки означало покрыть позором всё поместье князя. Более того, эти стервятники, судя по всему, нацелились на его

приданое.

Всего несколько дней назад усадьба маркиза Чжэньюань и так опозорилась, возвращая «забытую» часть приданого. Если сегодня Чжаоцзян просадит его на глазах у всей знати...

Цзи И передернуло. Этого нельзя было допустить.

Сердце его бешено колотилось, он уже открыл рот, чтобы вмешаться, но Чжаохуай оказался быстрее:

— Раз так, почему бы не сыграть по-крупному всем вместе?

— Что вы имеете в виду, Ванфэй?

— Речь ведь о ставках? — Чжаохуай задумчиво потирал пальцами золотую монету. — Я готов поставить на кон свое приданое. Но и вы, господа, должны выставить соразмерные суммы. Только так всё будет честно.

Присутствующие опешили. Никто не ожидал, что он так легко заглотит наживку и сам предложит разыграть приданое.

Цзи И едва не взвыл. Он мертвой хваткой вцепился в руку Чжаохуая и прошипел:

— Ты в своем уме?! Если ты профукаешь приданое, ты опозоришь моего отца!

«Твой отец и так уже опозорился в Цзяннани, одним пятном больше — не беда», — мельком подумал Чу Чжаохуай.

Видя, что собеседник непоколебим, наследник готов был разразиться проклятиями. С трудом сдерживая ярость, он прошептал:

— Очнись, они же тебя в ловушку заманивают!

Чжаохуай ничего не ответил. Он просто выгреб из рукава горсть семечек, сунул их в руки Цзи И и жестом велел тому отойти в сторонку и не мешать.

Третий принц продолжал разыгрывать озабоченность:

— Сяо-хоуе, подумайте хорошенько. Маленькая игра — это отдых, а такие ставки...

Для Чжаохуая даже та подвеска была огромным риском, так что теперь масштаб уже не имел значения.

— Ваше Высочество будет ставить?

В глазах принца на миг вспыхнул азарт, но он тут же скрыл его за притворным вздохом. Он пододвинул к Чжаохуаю гору золота, только что выигранную у Цзи И:

— Что ж, я поддержу вашу игру. Пусть это послужит залогом нашего веселья.

Чжаохуай перевел взгляд на остальных.

Дворяне переглянулись. Они пришли поглумиться и подзадорить Шицзы, но, вспомнив неуклюжий бросок «Чжаоцзяна», решили, что это легкая добыча. Поколебавшись, они один за другим начали выкладывать стопки векселей.

Чем больше они ставили, тем больше приданого должен был проиграть Чу Чжаохуай.

Лекарь сжал в руке монеты:

— Тогда играем по правилам «пяти и шести чистых». Если все шесть монет выпадут одной стороной — я забираю банк. Если же выпадет меньше пяти — я отдаю половину приданого.

На этот раз очередь давить на точку над верхней губой пришла Цзи И.

Третий принц уже не мог скрыть предвкушающей улыбки:

— Согласен. Прошу.

Чжаохуай зажал шесть золотых монет в ладони. Он занес руку над блюдом и в момент броска едва заметно, одним кончиком пальца, придал им вращение. Золотые кругляши со свистом рухнули вниз.

День.

Монеты бешено заплясали по дну блюда и наконец, одна за другой, замерли.

Все подались вперед.

Улыбка застыла на лице Третьего принца.

Цзи И, выглядевший так, будто его ведут на казнь, даже не сразу заметил перемену в настроении толпы. Он уже в красках представлял, как отец подвесит его к балке и будет пороть до потери сознания. Вывести Ванфэй в свет и не только просадить сотни золотых, но и позволить чужакам обобрать её до нитки...

Ногам его явно пришел конец.

В этот момент Чжаохуай легонько подтолкнул его локтем.

Наследник сплюнул шелуху и упавшим голосом пробормотал:

— Даже не думай просить меня...

Договорить он не успел. Лян Фан, до этого хранивший молчание, тоже ткнул его в бок и севшим от изумления голосом выдохнул:

— Шесть чистых!

Цзи И не поверил своим ушам. Он взглянул на блюдо и обомлел.

На дне, тесно прижавшись друг к другу, неподвижно лежали шесть сияющих монет. И все они, как одна, смотрели вверх лицевой стороной.

Лю чунь.

Третий принц, только что вальяжно потягивавший вино, вздрогнул. Кубок качнулся в его руке, и теплый напиток пролился прямо на пальцы. Брови Его Высочества сошлись у переносицы.

Остальные игроки стояли как громом пораженные:

— Это... как же так?..

Один из них, не веря своим глазам, дрожащей рукой потянулся к блюду и принялся дотошно изучать монеты. Никакого подвоха он не нашел.

Чжаохуай вежливо склонил голову:

— Похоже, удача, которую копил Шицзы, перешла ко мне. Прошу прощения, Ваше Высочество, за мою нескромность.

На этот раз улыбка принца вышла совсем натянутой:

— Сяо-хоуе излишне скромн.

Выбросить шесть чистых на «заряженных» монетах... Если это не чистая случайность, то мастерство игрока граничит с колдовством. Но откуда у Чу Чжаоцзяна такие таланты?

— Продолжим, Ваше Высочество? — невозмутимо спросил Чу Чжаохуай.

Принц не желал признавать поражение. Он подал знак своим спутникам. Молодые люди, только что потерявшие кучу денег, заколебались. Решив, что это был лишь разовый каприз фортуны, они, скрипя зубами, процедили:

— Продолжаем.

Чжаохуай смотрел, как они, скрепя сердце, выкладывают новые суммы, и снова бросил монеты.

Шесть чистых.

И снова — шесть чистых.

Партия за партией, шесть золотых монет словно сговорились: каждый раз они замирали в идеальном единообразии.

Мелодичный перезвон золота о нефрит оглашал павильон, и рука Чжаохуая казалась заколдованной. Стоило ему взмахнуть кистью, и монеты послушно складывались в нужный узор. Он не проиграл ни разу.

Цзи И смотрел на это, разинув рот. Ему казалось, что он спит. Неужели от перенапряжения у него начались видения?

Взгляд Третьего принца стал ледяным. Он понял, что соперник не так прост, и поспешил выйти из игры, пока еще оставалось хоть какое-то достоинство.

Но остальные, одержимые желанием «отыграться» и заставить Ванфэй поставить на кон всё, зашли слишком далеко. Азарт ослепил их, и вскоре они начали подписывать долговые расписки.

В конце концов, один из проигравшихся не выдержал. В ярости он едва не опрокинул стол:

— Ты жульничаешь!

Чжаохуай удивленно вскинул брови:

— Вы хотите сказать, что принц империи подсунул нам крапленые монеты?

Дворянин осекся. Лицо его мгновенно побелело, и он рухнул на колени, моля о прощении.

И верно: монеты-то принес Третий принц. Обвинить Чжаохуая в нечестной игре значило напрямую оскорбить Его Высочество.

Принц империи больше не мог притворяться благодушным.

— У Ванфэй поистине великая судьба, — произнес он с кривой усмешкой. — Теперь понятно, почему пятый дядя так дорожит вами.

Чжаохуай моргнул.

Только что его звали «Сяо-хоуе», а теперь перешли на «Ванфэй»? Голос звучит спокойно, но за ним явно скрывается бешеная злоба.

— Ваше Высочество льстит мне, — ответил Чжаохуай. — Маленькая игра — лишь способ развлечь вас, не более.

Третий принц:

«...»

Чу Чжаохуай, словно не замечая ярости, кипящей в принце, обернулся к остальным. Вид у проигравших был плачевный.

— Господа, желаете продолжить?

Некоторые из них уже успели заложить даже свои собольи накидки, лишь бы вернуть утраченное.

— Продолжаем!

Цзи И смотрел на безумцев, готовых грызть землю от досады, а затем перевел взгляд на лекаря.

Тот сидел неподвижно, скрытый повязкой, и его спокойная поза никак не вязалась с ворохом

сладостей, припрятанных в рукаве. В каждом его движении сквозила уверенность, которая необъяснимым образом заставляла окружающих затихать.

Казалось, эти шесть жалких монет в его руках могли с легкостью сотворить чудо.

Цзи И вдруг пробрала дрожь. Теперь он знал наверняка.

Этот человек — не Чу Чжаоцзян.

<http://bllate.org/book/15341/1372775>